

Кон Цзяцзы забился в самый угол дровяника. У его ног, свернувшись калачиком, крепко спал какой-то малец. В голове без умолку трещал занудный голос — нечисть, величавшая себя «наставником-эльфом 311». Мальчик упрямо её игнорировал.

Прижав ладони к животу, он принялся осторожно его растирать, пытаясь совладать с нарастающим, нестерпимым голодом. В хаосе его мыслей это сосущее чувство ощущалось острее всего — от недоедания ломило виски, а боль стягивала кожу на затылке. Он тёр живот ещё какое-то время, пока спазм наконец слегка не отступил.

«Кажется, голод просто притупился», — отрешённо подумал он.

Снаружи давно стихло. Зимнее солнце робко пробивалось сквозь пелену облаков, словно стыдясь своего бледного лица. Впрочем, у здешних обитателей не водилось господской привычки любоваться заснеженными далями — зима для них была столь же безжалостна, как сам владыка подземного царства Янь Ло. На грязном полу, растеряв остатки приличия, сидела истощённая, желтолицая женщина в поношенном, но некогда дорогом платье. Перед ней у самого порога сидел на корточках ребёнок, уставившись во двор.

На голове у этого крохи красовались два забавных хвостика-рожка, однако на худеньком лице не было и следа младенческой пухлости. Из-за заострившегося подбородка его глубокие, угольно-чёрные глаза казались непомерно большими. Такое зрелище должно было вызывать щемящую жалость, но во взгляде ребёнка сквозило лишь холодное, отчуждённое высокомерие. С этим застывшим выражением он походил на изысканную фарфоровую куклу, лишённую живой души.

В тишине раздалось громкое урчание чьего-то пустого желудка.

Малыш равнодушно скользнул взглядом по сидящей на полу женщине. Та в ответ лишь глупо улыбнулась, приоткрыв рот, из уголка которого потекла слюна:

— Хе-хе...

— Какое к чёрту «хе-хе», — буркнул он, прижимая ладошку к животу.

Хрупкая, призрачная печаль вмиг слетела с его лица, точно ожил застывший рисунок. Малец прислонился к дверному косяку с видом глубочайшей скорби.

«И надо же было вернуться именно в это время...»

Хвостики на его голове съехали набок, придав ему совсем нелепый вид. Мальчик тяжело, совсем по-взрослому вздохнул, больше не глядя на безумную женщину на полу — собственную

мать.

«Десятки лет в холе и неге, а очнулся задолго до восшествия на престол. Неужели моему изнеженному желудку, привыкшему к императорским деликатесам, снова придётся давиться чёрствыми отрубями да гнилыми лепешками?»

От этого мысленного вопроса веяло горькой издёвкой. Малыш поднялся во весь свой крошечный рост. Несмотря на девчоночий наряд, он был настоящим мальчишкой, в чьём теле спал грозный правитель.

Стоя на пороге, при росте едва ли в метр он умудрялся излучать величие истинного владыки.

Взирая на ползающих у ног муравьёв как на ничтожных подданных, он упёр руки в бока и гордо выпятил грудь:

— Те черепахи, которых старая черепаха наплодила ради пущего изящества в пруду Цзинъюй сада Юэхуа... Сегодня вам выпала честь накормить законного государя, попавшего в беду!

— Ох, грехи мои, грехи...

Он притворно сложил ладони перед грудью, симулируя монашеское благочестие, но слюна из рта при этом потекла в три ручья.

«В прошлой жизни он, злопамятный и мстительный до мозга костей, умудрился урвать императорский трон. И первым делом не возвёл свою полоумную мать в ранг вдовствующей императрицы, а вырезал под корень всех царственных ублюдков — всё черепашье отродье, что наплодила старая черепаха. Но сейчас его дражайшие братцы ещё даже не зародились в лонах своих матерей, так что на зубок ему могли сойти разве что настоящие черепахи из пруда Цзинъюй.»

«Проществовав полвека в величии и страхе, этот деспот, пустивший под нож родных братьев, преданных министров и грозных генералов, умудрился отойти в мир иной мирно, в собственной постели. Трон он передал сыну — полной своей противоположности, робкому, точно забитый перепел. Старый тиран уже приготовился предстать перед владыкой преисподней и вкусить заслуженный покой, как вдруг очнулся в теле самого себя — сопливого мальчишки в худшие годы своей жизни.»

«И что теперь? Снова забиться в щель, прикинуться ветошью и покорно ждать, пока слепая удача опять не швырнет под ноги корону? С какой стати?! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Он уже раз подышал, сполна вкусив земных утех, а долги врагам раздал с лихвой — до последнего медного гроша. Никаких сожалений о несделанном у него не осталось. Какому только небесному придурку приспичило вытряхнуть его обратно в колыбель?»

Он сидел на пороге с самого утра, тщетно пытаясь сообразить, какому божеству умудрился наступить на мозоль.

«Или осквернил какой-то священный алтарь? Да чёрт его знает. За долгую жизнь он отправил в могилу столько народу, что из их черепов можно было выложить Великую стену. Искать среди этого сонма обиженных того самого —дохлый номер. Ладно, кривая вывезет. В этот раз он устроит в столице такой бедлам, что небеса перевернутся. Хватит с него покорности судьбе, не для того его воскресили!»

К полудню дверь дровяника с грохотом распахнулась. Давешний безбородый евнух небрежно швырнул на пол полупустой холщовый мешок и кивнул в сторону колодца во дворе:

— Жрать захотите — сами сварите.

Особо задерживаться он не стал. Оставив дверь полуоткрытой — нимало не заботясь о том, что оборванцы могут разбежаться, — слуга лениво поплёлся прочь.

Притихшая детвора растерянно уставилась на мешок. Тот, что пошустрее, мигом подполз, развязал завязки и заглянул внутрь. На дне белели чистые, ровные рисинки — такую крупу подавали только благородным господам.

Нищие сироты отродясь не видели подобной роскоши. Они не смели даже коснуться белых зёрен, взирая на них со смесью робкого страха и дикого восторга.

Лишь спустя время до них дошло: крупа-то есть, а варить в чём?

В тесном помещении угли тлели прямо на земляном полу. Воздух давно стал тяжёлым, едкий дым ел глаза, но из страха перед лютым холодом дети не смели отойти от очага. Сквозь открытую дверь ворвался морозный сквозняк. Ледяной ветер пробирал до костей, однако дышать сразу стало легче.

Стуча зубами от холода, дети сбились в кучу, пытаясь сообразить, как быть. Не успели они сойтись на чём-то путном, как у порога вновь нарисовался давешний слуга. Он швырнул под ноги закопчённый котелок и бросил через плечо:

— Посуду берегите, вернуть придётся.

И зашагал прочь с видом человека, исполнившего величайший долг.

Никто из сирот не усмотрел в таком обращении ничего дурного. Они глядели вслед уходящему

слуге с немой, собачьей благодарностью. Кое-как поднявшись на затёкших ногах, оборванцы принялись хлопотать у котелка, мечтая поскорее разжиться хотя бы водянистой рисовой жижей.

Лишь Кон Цзяцзы сидел неподвижно, точно каменный будда. Все его силы уходили на то, чтобы заглушить голодные спазмы и трескотню нечисти в голове. Мальчик не боялся, что другие дети отнимут у него еду — в рукаве был спрятан острый нож. Если обделят при раздаче, он просто пустит в ход сталь. Посмотрим, кто тогда рискнёт оставить его голодным.

Тварь в его разуме продолжала нести околесицу. Кон Цзяцзы не понимал и половины её заумных бредней: то вещала про какой-то «углекислый газ», то поминала «вирусы» и «грипп».

Притворяясь абсолютно глухим, он тем временем прилежно наматывал на ус каждое диковинное слово. Пусть беснуется сколько угодно — он и звука не проронит.

Правда, когда они грелись у костра, в груди и впрямь сдавило, дышать стало нечем. Похоже, тут действительно приложил руку демон по прозвищу «Углекислый Газ».

От этих мыслей на душу легла тяжёлая тоска. Насколько же этот мир полон нечисти, раз даже выжить в нём так трудно! Тварь, засевшая в его собственной голове, поминала чудовищ, о которых не ведали даже мудрейшие даосские наставники. Разве простые смертные сдюжат против такого зла?

Впрочем, к чему пустые тревоги? Сам на волоске от гибели, нечего о судьбах мира печься.

Безысходность давила тяжёлым грузом, просвета впереди не предвиделось. И всё же умирать не хотелось — лучше уж цепляться за жизнь до последнего, чем сгнить в безымянной могиле. Но если эта тварь попытается осквернить его тело или заставит творить непотребства...

«Я откушу себе язык!» — решительно поклялся он себе.

Его мысленная клятва вышла настолько яростной, что тварь в голове мгновенно поймала эту волну.

— Что-о-о?! Сводить счёты с жизнью?! — взвизгнул голос в голове. — Парень, ты совсем с дубу рухнул? Мал ещё о смерти думать! Ты и до этого молчал как сыч, а теперь я точно вижу: у тебя с головой беда! Ну за что мне это наказание? У меня, между прочим, сертифицированный интерфейс, голос — чистый мёд, показатели эффективности зашкаливают, а мне подсовывают этого непрошибаемого истукана! Знала бы — ни за какие коврижки этот квест не взяла. Что творится в мозгах у вас, геймеров, одному богу известно. Нашла коса на камень! Если у тебя крыша едет, марш к врачу! На кой чёрт ты в симуляцию полез? Виртуальный мир душевные раны не лечит, это же глупость несусветная! Ты хоть представляешь, сколько деньжищ ухнул на один только абонемент в «Школу евнухов»? А игровое кресло? А питательные растворы? Это же целое состояние! Пошёл бы к мозгоправу, отдал пару сотен кредитов, погулял, развеялся. А

если бы докторша симпатичной оказалась — глядишь, и личную жизнь бы наладил... Тьфу, блин, сама с тобой скоро к психотерапевту запишусь!

— Так, дышим глубже, не злимся... — бубнил голос. — Вспоминаем про кругленькую сумму на счету в конце месяца, про ипотеку... Клиент всегда прав. Клиент — наш бог и кормилец! Малыш, ну чего тебе не хватает, а? Скажи толком! Хочешь какую-нибудь редкую штучковину из лавки? Ладно, давай я тебе её втихаря оформлю, спишу расходы на свои бонусы! Только не молчи ты как сыч, словно я твой личный враг. И забудь про самоубийство! Если ты тут дуба дашь, меня же по судам затаскают! Наставника, который довёл клиента до петли, сразу под трибунал пустят. Пожалей коллегу, дружище! Ну скажи хоть слово, а-а-а-а...

Кон Цзяцзы оставался невозмутим, точно скала. Он давно научился отсекал ненужный шум и теперь безмятежно игнорировал этот нескончаемый скулёрж в своей голове.

«Умение очищать разум крепло в нём с каждым часом, лишая нечисть возможности копаться в его сокровенных помыслах. Впрочем, он всё равно не смыслил ни черта в её заушном лепете.»

В это время на берегу пруда Цзинъюй малец с забавными девичьими хвостиками присмотрел в декоративной каменной горке увесистый, острый булыжник и со всей силы швырнул его прямо на скованную льдом гладь. Раздался оглушительный треск, сменившийся глухим всплеском. По зеркальной ледяной корке пруда поползли глубокие трещины. Метавшие снег евнухи и служанки испуганно переглянулись. Решив, что какой-то безумец бросился в воду, они побросали метлы и гурьбой кинулись к берегу.

Потонет какой-нибудь ничтожный слуга — туда ему и дорога: не загнётся от холода, так заживо засекут батогам после того, как вытащат. Но если под лёд ушёл кто-то из господ — тогда всем несдобровать.

Несколько дюжих евнухов уже притащили длинные багры, готовясь прощупывать ледяную воду, хотя в глубине души недоумевали: за всё утро ни один из благородных господ здесь не появлялся.

Если это действительно какой-то безумный холоп решил свести счёты с жизнью...

Евнухи мысленно проклинали самоубийцу, но делать было нечего.

А виновник переполоха, подперев кулачком подбородок, безмятежно сидел на валуне под мостиком и бубнил себе под нос:

— И почему ни одна рыба наружу не вылезла? Мы... то есть, я... да я же точно помню, что караси здесь были жирные-прежирные.

Слыша, как к берегу сбегается челядь, мальчишка хитро прищурился. В его голове вмиг созрела безумная, отчаянная затея. Идея показалась ему настолько забавной, что противиться искушению было выше его сил.

«Даже если меня нарядили девчонкой и держат в чёрном теле, я всё ещё плоть от плоти императора. Как ни крути, а старая черепаха — мой отец. Эти трусливые, заглядывающие в рот господам псы ни за что не посмеют оставить меня подыхать. Уж если и портить кому жизнь, так этой своре!»

Малец зачерпнул ладонью ледяную воду, щедро плеснул себе в лицо и хорошенько растёр щёки. Убедившись, что выглядит достаточно мокрым и несчастным, он зажмурился, набрал в грудь воздуха и истошно, во всё горло заголосил.

<http://bllate.org/book/18226/1751605>